

перед Ним ты один, у светло-отвесного входа.
 Запах крови, и дыма, и кож – всё проходит.
 Там демоны-звери померкнут в ночи, и ты, утомлённый,
 обнажённый, застынешь под кровом безмолвно.
 В том месте, где слышен язык, словно рядом
 наречье пропитано чудным и медленным ядом.
 Язык, который мы слышим, не помним, но знаем,
 по краю пройдя неумолчно трепещущим садом.
 И звуки слышны, голоса, голоса, но буквы,
 обломки согласных как будто разбросаны чадом.

ЛЕВИТ 19:1 – 20:27

Третий день – день запрета. Разложен костёр.
 Незнакомец стоит на пороге твоём.
 Выбрось хрупких божков и вымети сор.
 Ты в конце остаёшься со мною вдвоём.

Собери виноград, и последний кувшин –
 для случайного гостя из дальней страны.
 И отец твой, и ты, и твой внук, и твой сын –
 все вернулись с чужой и постылой войны.

Посмотри на свой дом: опустели поля.
 Где-то мать и сестра черепки собирают.
 Но написано: есть за пустыней земля.
 Если это не рай, то предвестие рая.

Там прозрачен рассвет, ароматен закат,
 бесконечен родник у забытой гробницы.
 И невидимый свет, струясь, словно весть,
 озаряет родные и дальние лица.

ЛЕВИТ 21:1 – 24:23

На день седьмой ты станешь тих и нем.
 Ты отдохнёшь от пристальных работ.
 Проходят дни, недели, будет семь
 недель, и выйдет в поле тот,

чей облик далеко. Свежи его следы,
 и сладок дым от жертвоприношенья.
 Сын египтянина придёт как весть беды,
 и будет тщетной жертва всесожженья.

Но есть хлеба для скорбных и чужих,
 дошедших из долин до тех предгорий,
 где человек и зверь пьют сальный, терпкий дым
 тех наслаждений, что приносят горе.

Но мы в том месте, где дарован нам
 в кувшине глиняном необозримый свет.
 Дохнёт покоем тихий ветер сна,
 прошелестит по глянцевой листве,
 по ивам вдоль ручья, по нам, по всей родне
 по листьям пальм и принесёт к апрелю
 весть о земле, о молоке, о дальнем дне,
 когда мы выйдем наконец на волю.

ЛЕВИТ 25:1 – 26:2

Земля ждет сорок девять лет.
 Сорок девять раз я ждал тебя в своём сердце.
 Сколько лет над землёй длится полёт
 взлетевшей с надеждой трепетной птицы.
 По реке времени, в лесах пространства,
 сквозь опустевший, оглохший, остывший город
 несёт она весть о временном постоянстве,
 о том, что народ мой древен, но вечно молод.
 А душа, где она находит верное место?
 В чужих пределах, но отзвуки помнит слова.
 Хранится оно всю жизнь, всё детство.
 Взлетевшая птица вернётся домой снова.

5 АДАР II 5771 (11 МАРТА 2011)

Когда нас не будет, не станет, настанет
 Ваш мир в пустоте бессловесного гуда.
 Мы дымом взлетим, звездой негасимой
 В заброшенном городе старшего сына.
 Задавленных судеб овраг оседает.
 Никто не выходит на улицу в мае.
 А вы припадёте к подножиям жирным,
 Покрытым кровью и салом могильным.
 И там, в перепончатом мраке забвенья,
 Всё медленно вдаль поплывёт – к разрешенью
 Всех ваших задач относительных чисел,
 К забытому складу непонятых писем.
 Но выживет память кровавого сгустка,
 Там книга закрыта, там гулко и пусто.
 Но и без нас будет боль абсолютна,
 Когда ваши дети больные под утро
 Всё будут шептать с осязаемым страхом.
 И дети, и вы – до последнего часа:
 Йоав, и Элад, и грудная Адасса...

ДОЛИНА МЁРТВЫХ КОСТЕЙ (ИЕЗЕКИИЛЬ, 37:1-14)

В Долине Мёртвых костей стою и внемлю.
Правой прошу о помощи, глаза прикрываю левой.
Ручьи пересохли, кость превратилась в камень.
Скажи, зачем ты меня в этом месте гиблом оставил?

Долина Мёртвых костей, смерть, но и в ней – обещанье.
Восстанет народ, ибо вечно твое прощенье.
От тех, кто убиты, лишь кости и пыль остались.
Кости не могут жить и дышать, их тени не встанут.

Сын человеческий – здесь весь твой народ погибший.
Но помни, могилы откроет и благословит Всевышний
народ свой грешный, вдохнёт движение ветра.
Ветер четвёртый, вслед за первым, вторым и за третьим.

Бог мой войдёт в вас, и снова к истокам вернётесь
В землю свою – в свою землю последнюю, в Эрец.
Память костей в той долине всю жизнь и всю смерть остаётся.
Смертный дымок над долиной и городом медленно вьётся.

САМУИЛ 11:14 – 12:22

Я стар и сед, я вёл вас через жизнь всю жизнь.
Свидетель мой – Всевышний. Из Египта
вас вывели Моисей и верный Аарон,
не дав допить смертельного напитка.

Теперь, когда не видно ваших лиц,
повёрнутых к Ваалу и к Астарте,
ждёт царь Моава, сонмы филистимских хищных птиц
летят на вас, и в ожиданье смерти

недвижны вы. Но старец Самуил
промолвил медленно: «Оставьте страх и боли.
Вы совершали то, что требовал Ваал.
Всевышний выведет вас снова из неволи».

Забудьте страх. Он не оставит вас,
пока Его в себе несёте через годы.
Скреплённые единою судьбой
опять вкусят и молока, и мёда.

И снова поплывёт маяк судьбы
сквозь заросли неведомой природы
вслед за кивком незримой головы
в далёкие безвременные годы.